

Е. Ю. Сергеев

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ***

УДК 930(100)“1914/19”

ББК 63.1(2)535-68

Статья посвящена новым направлениям в изучении важнейших проблем истории Первой мировой войны, ставшей прологом всего новейшего времени. Для современной отечественной и зарубежной историографии характерно исследование трагических событий 1914–1918 гг. как первого глобального вооруженного столкновения десятков государств практически на всех континентах в трех физических средах — на суше, на море и в воздухе. Великая (как ее называли современники) война носила индустриальный, коалиционный и тотальный характер. Результатом использования междисциплинарных подходов, связанных с компаративистикой, социальной антропологией и имагологией, является пересмотр не выдерживающих объективной критики представлений о Первой мировой войне как об «империалистической бойне», которая начиналась и проходила в интересах исключительно «капиталистов и помещиков». Для народов России она стала Второй Отечественной, а для так называемых национальных окраин бывшей Российской империи — еще и освободительной, открыв длительный период социально-политической нестабильности, который по аналогии с событиями XVII в. получил название «новой Тридцатилетней войны».

Ключевые слова: *Первая мировая война, тотальная война, коалиционная война, индустриальная война, компаративная методология, междисциплинарный подход, социокультурный метод.*

Первая мировая война 1914–1918 гг. явилась величайшим испытанием в новейшей истории цивилизации. Никогда ранее сам характер и последствия вооруженного столкновения не приобретали таких катастрофических масштабов. Никогда прежде так тесно не переплетались социальные, политические, экономические и духовные факторы, повлиявшие на судьбы десятков миллионов людей.

Хорошо известно, что войну ожидали и готовили не только венценосные особы, политики, генералы или промышленные магнаты, но и обычные люди. Часть общественных сил надеялась, что вселенская катастрофа приведет к катарсису, т. е. очищению мира от всего того, что препятствовало его прогрессу и процветанию. Другие современники тех эпохальных событий, наоборот, рассчитывали, что победоносное окончание скоротечных, как

им представлялось, боевых действий позволит добиться национального либо имперского единения, способствуя тем самым укреплению существующих режимов. Даже многие жители колониальных и зависимых стран выступали за эскалацию вооруженного противостояния великих держав, рассчитывая добиться уступок и преференций от воюющих коалиций. Таким образом, раскручивание спирали гонки вооружений и пропагандистской кампании в средствах массовой информации перед началом войны продемонстрировало ограниченное понимание большинством человечества глубины той бездны, на краю которой оно оказалось почти сто лет назад — летом 1914 г.¹

Последующие трагические события продемонстрировали, что военные действия приобрели поистине глобальный характер. 38 государств (включая доминионы Британской империи), расположенных на всех континентах планеты, за исключением Антарктиды, с населением около 1,5 млрд человек прямо или

*Сергеев Евгений Юрьевич — д.и.н., профессор, г.н.с., зав. центром «XX век: социально-политические и экономические проекты» Института всеобщей истории РАН (г. Москва)
E-mail: eugene.sergeev59@gmail.com*

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12-31-10010 «Россия в стратегии Первой мировой войны»

¹ См.: Joll J., Martel G. The Origins of the First World War. 2d ed. London, 1992; Мировые войны XX века. Т. 1: Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002; Романова Е. В. Путь к войне. Развитие англо-германского конфликта 1898–1914. М., 2008; Mulligan W. The Origins of the First World War. Cambridge, 2010; etc.

опосредованно участвовали в войне, которая впервые в истории проходила сразу в трех физических средах — на суше, на море и в воздухе. Боевые действия развернулись на огромных пространствах от Атлантического океана до Тихого. Даже те государства, которые объявили нейтралитет, испытывали значительное воздействие со стороны противоборствующих коалиций.

На протяжении войны нейтральные страны выполняли ряд важных функций. Они выступали в качестве баз снабжения членов Антанты и Четверного союза вооружением, продовольствием и товарами широкого потребления, в роли посредников в процессе дипломатических зондажей, в качестве центров гуманитарной помощи для десятков тысяч беженцев, раненых, военнопленных и интернированных лиц, наконец, как площадки ожесточенной тайной войны иностранных разведок.²

В то же время подавляющее большинство зависимых стран и народов так называемой колониальной периферии, как правило, оказывали всемерную помощь своим метрополиям различными путями: отправкой дополнительных воинских контингентов, использованием рабочей силы на строительстве объектов инфраструктуры, поставкой сырья и продуктов питания в постоянно возрастающих объемах, организацией ремонта боевой техники, обеспечением связи и проведением разведывательных операций. Откликаясь на призывы метрополий выступить плечом к плечу против общего врага, формирующиеся местные элиты лелеяли надежду на то, что колонизаторы, ослабленные взаимным противоборством, окажутся вынужденными после окончания войны передать им часть властных полномочий.³

Характеризуя Первую мировую войну как длительный тотальный вооруженный конфликт глобального масштаба, необходимо также указать на три ее особенности.

Первая отличительная черта заключается в том, что Великая (как ее вскоре назвали современники) война впервые в истории носила *индустриальный* характер. Это означало, что таких традиционных условий достижения победы над противником, как мобилиза-

ционные резервы, запасы вооружения и боеприпасов, и даже патриотического подъема в воюющих странах было явно недостаточно. Требовалась умелая организация работы промышленных предприятий со стороны государственных органов, надежное функционирование всей логистической инфраструктуры, эффективное использование средств связи как в прифронтовой полосе, так и в тылу. Иначе говоря, практически вся территория стран — членов противоборствовавших группировок должна была стать единым военным лагерем посредством регулирования со стороны государства и активного содействия гражданского общества.⁴

Вторая важнейшая особенность войны 1914–1918 гг. обусловлена тем, что она стала *коалиционной*. Необходимо иметь в виду, что взаимодействие союзников по Антанте, имевшее большое значение для разгрома армий Четверного союза, осуществлялось через согласование стратегических планов, поставки вооружения и боеприпасов, направления контингентов союзных войск на европейские и ближневосточные фронты, через сотрудничество гуманитарных организаций, обмен разведывательной информацией, проведение совместных пропагандистских акций и т. д., хотя в наибольшей степени указанное взаимодействие стало осуществляться лишь с 1916 г. К сожалению, конституирование в ноябре 1917 г. главного координирующего органа антигерманской коалиции — Верховного военного совета Антанты — происходило уже без России, хотя при сохранении демократической альтернативы поступательного развития Российской республики ее представители, без сомнения, заняли бы в этом органе достойное место.⁵

Наконец, третья отличительная черта глобального конфликта начала XX в., имевшая непосредственное отношение к Российской империи, состояла в том, что для нее война с самого начала явилась *Второй Отечественной*, о чем впоследствии стыдливо умалчивала официальная советская историография,

² См.: Marrero F. Canarias en la Gran Guerra, 1914–1918, estrategia y diplomacia. Un estudio sobre la politica exterior de Espana. Las Palmas de Gran Canaria, 2006.

³ См., напр.: Strahan H. The First World War in Africa. Oxford, 2004.

⁴ См.: Gilbert M. The First World War. A Complete History. New York, 1996; Keegan J. The First World War. London, 2000; Strahan H. The First World War. Vol. 1: To Arms. Oxford, 2001.

⁵ См.: Лютов И. С., Носков А. М. Коалиционное взаимодействие союзников. По опыту Первой и Второй мировых войн. М., 1988; Wallach J. Uneasy Coalition. The Entente Experience in World War I. Westport, 1993; Павлов А. Ю. Скованные одной цепью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2008.

но что всегда подчеркивали русские историки-эмигранты. Не случайно, по наблюдениям современников, текст царских манифестов начала августа 1914 г. напоминал обращения Александра I к народу Российской империи летом 1812 г., а сам Николай II сравнил события 1914 г. с военными действиями против Наполеона, заявив 27 июля (9 августа) воспитателю наследника П. Жильяру: «Я уверен теперь, что в России поднимется движение, подобное тому, которое было в Отечественную войну 1812 г.»⁶

Такое восприятие агрессии Германии и присоединившихся к ней позднее Австро-Венгрии и Османской империи против России проявилось не только во всенародной поддержке военных усилий царского правительства на протяжении 1914–1916 гг., но и в таких конкретных мероприятиях, как добровольческое движение, деятельность различных общественных организаций, создание партизанских отрядов на территории, оккупированной противником.⁷ Кроме того, как свидетельствуют документы, на русско-германском, русско-австрийском и Кавказском фронтах случаи героизма со стороны солдат и офицеров царской армии были отнюдь не единичным явлением. Даже осенью 1917 г. далеко не все военнослужащие демократизированных вооруженных сил России предавались пораженческим настроениям, продолжая демонстрировать готовность отдать свою жизнь за победу над врагом, как это проявилось, например, в ходе Моонзундского сражения 29 сентября–6 октября (12–19 октября) 1917 г.⁸

Переходя к социально-экономическим и политическим последствиям многомесячной войны, укажем на многие качественные изменения в общественной жизни государств, затронутых пламенем войны. Фактически она подготовила ротацию состава властных элит, выдвинув на политическую авансцену харизматических лидеров новой генерации — от Владимира Ленина и Льва Троцкого в России

до Мустафы Кемала в Турции и Бенито Муссолини в Италии. Характерно, что один из крупных британских историков XX в. назвал Великую войну «национальной, политической и социальной революцией на обширных просторах Европы».⁹ Добавим: не только Европы, но и Азии.

Прежнее доминирование так называемой «аристократии крови» в высших эшелонах власти подошло к концу. На смену ей пришли элиты «мантии и денежного мешка» — эффективные бюрократы и удачливые финансово-промышленные магнаты, которые нередко опирались на популистов вроде тех же Гитлера и Муссолини. Положительными моментами общественной трансформации явились, с одной стороны, достижение политического равноправия женщин и мужчин, а с другой — вовлечение в активную общественную деятельность миллионов молодых людей, многие из которых прошли через кровавый ад войны. Даже вкусы и мода претерпели существенные изменения, отразившие победу нового, индустриального уклада жизни.¹⁰

В результате коллапса 1914–1918 гг. коренным образом изменился глобальный геостратегический ландшафт. Ушли в прошлое империи, еще совсем недавно казавшиеся вечными: Российская, Германская, Австро-Венгерская, Османская. На их руинах возникли национальные государства, которые вступили на путь самостоятельного развития, сопряженный с огромными трудностями.¹¹ В то же время правящие группы, а частично и широкие слои населения впервые осознали необходимость государственного регулирования экономики. По сути дела именно война подтолкнула общественную мысль к формулированию таких основополагающих для современной цивилизации теорий, как концепция «всеобщего благоденствия» или модель «социально ориентированной экономики». А в пространстве международных отношений получили концептуальное оформление идеи интеграции стран и народов под эгидой всемирной организации, которая в ходе работы Парижской и Вашингтонской конференций приобрела статус

⁶ Цит. по: Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 76.

⁷ Примечательно, что многие современники называли Первую мировую войну даже Великой Отечественной. Идеологическое обоснование такого восприятия можно найти, например, в следующих изданиях: Трубецкой Е. Н. Отечественная война и ее духовный смысл. М., 1915; Рункевич С. Г. Великая Отечественная война и церковная жизнь. Пг., 1916; и др.

⁸ См.: Шаццло В. К. Последняя война царской России. М., 2010; Базанов С. Н. За честь и величие России // Забытая война. М., 2011. С. 333–461; McMeekin S. The Russian Origins of the First World War. Cambridge, 2011. P. 214–233; etc.

⁹ Seton-Watson R. W. Britain and the Dictators. Cambridge, 1938. P. 52.

¹⁰ См.: Война и общество в XX веке. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008.

¹¹ Примером исследований по данной теме, выполненных на современном уровне, может служить сборник статей: Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: от национальных движений к созданию национальных государств. М., 2012. Т. 1.

мегарегулятора политических процессов на глобальном и региональном уровнях.

Великая война привела к своеобразной «перезагрузке» понимания места и роли человека в окружающем его мире. Из-под пера философов, литераторов, публицистов вышли труды, в которых авторы стремились по-новому, с учетом пережитого ужаса кровавой бойни оценить предназначение человечества и перспективы его дальнейшего развития. Если раньше общественное мнение под влиянием социал-дарвинистских теорий и националистической пропаганды вполне допускало вооруженную борьбу в качестве одного из наиболее сильнодействующих средств из арсенала внешней политики, то после 1918 г. война была открыто названа преступлением перед человечеством, хотя никакого суда над ее инициаторами и военными преступниками, уничтожавшими памятники культуры или совершавшими зверства в отношении населения, так и не состоялось. Свою интерпретацию трагических событий 1914–1918 гг. представили многие современники — деятели искусства: писатели и композиторы, архитекторы и скульпторы, художники и кинематографисты.

Не стоит забывать и о том, что Первая мировая война стимулировала развитие научно-технической мысли. Она вывела машиностроение на новый уровень, способствовала становлению химической, автомобильной и авиационной промышленности, акцентировала внимание ученых и инженеров на совершенствовании средств транспорта и связи. Массовые ранения, травмы, отравления, эпидемиологические и психические заболевания, которыми страдали миллионы военнослужащих и гражданских лиц в период боевых действий, обусловили необходимость поиска прогрессивных методов их профилактики и лечения, а также посттравматической адаптации жертв войны к условиям мирного времени.

Таким образом, война 1914–1918 гг. явилась подлинным прологом истории «короткого» XX века (1914–1991), получившего у специалистов наименование «экстремального».¹² Она способствовала формированию основных векторов политического, хозяйственного и культурного развития человечества, открыв более чем тридцатилетний период крупных и малых вооруженных конфликтов, революционных

потрясений, формирования национально-освободительных движений и общей социально-политической нестабильности, окрашенной в цвета противоборствовавших идеологий на этапе завершения формирования индустриального строя. Именно поэтому многие современные исследователи придерживаются концепции так называемой «второй Тридцатилетней войны», проводя аналогию между событиями середины XVII в., окончательно похоронившими средневековые порядки, и процессами, которые, по сути, сформировали индустриальное общество и государство середины XX в.¹³

В этой связи уместно более подробно рассмотреть те тенденции в изучении истории Первой мировой войны, которые характеризуют современный этап осмысления событий почти столетней давности.¹⁴

Прежде всего, большинство ученых сегодня опирается на *междисциплинарную* методологию, творчески применяя подходы, характерные для смежных наук: исторической политологии, социологии, культурологии, психологии, имагологии и т. п. Яркой иллюстрацией указанной тенденции служит интерес историков к геостратегическим конструктам, которыми руководствовались элитные группы (политики, генералы, магнаты бизнеса) накануне Первой мировой войны, на ее различных этапах и после ее окончания. Мы имеем в виду германские планы обретения «жизненного пространства на Востоке», австрийские проекты формирования триалистической империи в Центральной Европе, идеи панславистов относительно объединения всех славянских народов под скипетром русского царя, концепции пантюркизма и панисламизма и т. д. В этой связи укажем и на возникшую тенденцию рассматривать проблемы магистральной пространственной организации пространства военными стратегами, а также вопросы разработки ими логистических схем переброски войск, вооружения и боеприпасов между театрами войны на значительные расстояния по сухопутным, морским и даже воздушным коммуникациям.¹⁵

¹³ См.: Russia in the Age of Wars, 1914–1945. Milano, 2000.

¹⁴ См.: Mommsen W. Der Grosse Krieg und die Historiker: neue Wege der Geschichtsschreibung über den Ersten Weltkrieg. Essen, 2002.

¹⁵ См., напр.: Военная мысль в изгнании. Творческая мысль русской военной эмиграции. М., 1999; Angelow J. Kalkuel und Prestige. Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Cologne, 2000; Hamilton R., Herwig H. War Planning 1914. Cambridge, 2009; etc.

¹² Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий XX век (1914–1991): пер. с англ. М., 2004.

Еще одной отличительной чертой современной историографии выступает преодоление традиционного *европоцентризма* в изучении периода 1914–1918 гг. Исследователи стремятся не ограничиваться анализом событий только на театрах военных действий Старого Света, но подвергают анализу изменение стратегии и тактики государств-участников войны на так называемых «второстепенных» фронтах, поскольку они оказывали непосредственное влияние на ход решающих сражений. Примеров такого рода можно привести очень много: боевые действия в Палестине и Месопотамии, на островах Тихого океана и на юге Атлантики, в Китае и африканских колониях Германии — все они стали в последние годы предметом серьезного изучения, привлекающая внимание общественности. Значительный импульс в этой связи получили исследования степени вовлеченности различных неевропейских народов в боевые действия или их обеспечение. Мы имеем в виду, например, участие австралийцев, новозеландцев, индусов и жителей Цейлона (Шри-Ланки), составивших знаменитый АНЗАК, в Галлиполийской кампании 1915 г., канадцев и африканцев — в сражениях на Западном фронте в 1916–1918 гг., частей, сформированных из представителей азиатских народов, — в операциях на Палестинском и Месопотамском фронтах в 1915–1918 гг. и т. д.¹⁶ То же относится к экспериментам с переброской русских бригад на Салоникский фронт и во Францию, к использованию португальского экспедиционного корпуса в боях за Фландрию, к направлению британских подводников для усиления Балтийского флота, французских летчиков — на Румынский фронт, а также к проекту использования японских экспедиционных сил в Европе, который остался неосуществленным.

Третьим существенным моментом, на который нам хотелось бы обратить внимание, выступает *сравнительная методология*, которая широко применяется специалистами для выявления общего и особенного в истории Великой войны. Речь может идти о нескольких ракурсах и уровнях исторической компаративистики — *темпоральном* (имеется в виду сопоставление различных периодов войны, например кампаний 1914 и 1915 гг.),

пространственном (учитывается специфика военных действий, скажем, на Восточном и Западном фронтах в 1916 г.), наконец, *страновом* (при этом компаративной рефлексии подвергается вклад каждой из стран — членов противостоявших друг другу коалиций в достижение победы над противником). Целый ряд крупных историков, особенно за рубежом, посвятили фундаментальные труды компаративному изучению Первой и Второй мировых войн, сделав принципиально важный вывод о том, что абсолютное большинство стратегических приемов и технических новинок ведения вооруженной борьбы, нашедших применение в 1939–1945 гг., получили апробацию еще в 1914–1918 гг. Говоря об инновациях, к примеру, в области вооружения, следует назвать авиацию и танки, подводные лодки и бронепоезда, огнеметы и отравляющие газы, минометы и дальнобойную артиллерию, колючую проволоку и минные заграждения. Инновации можно было наблюдать и в предметах солдатского быта, начиная от униформы защитного цвета и заканчивая походными котелками. Пожалуй, только атомная бомба и тактические ракеты, использованные воюющими сторонами в последние месяцы Второй мировой войны, не имели прямых аналогов в Первой.

В заключение обратим внимание еще на одну тенденцию, которая характеризует недавно опубликованные труды по истории войны 1914–1918 гг., а именно на ярко выраженный *антропологический* подход, когда авторы фокусируют внимание не просто на описании боевых действий, но на анализе эмоционально-психологического состояния воинов в рамках фронтовой повседневности. Изучение жизни в окопах дополняется интересом к проблемам выживания в лагерях военнопленных, эвакуационных пунктах и госпиталях, в тыловых гарнизонах.¹⁷ В сочетании с так называемой *микроисторией*, т. е. с исследованием роли в войне простых солдат и офицеров, медиков, священников, работников тыловых предприятий, представителей творческой интеллигенции, причем не только мужчин, но и женщин, военная антропология

¹⁶ См., напр.: Empires of the Sand: The Struggle for Mastery in the Middle East. 1789–1923. Cambridge, 1999; Lake M., Reynolds H. What's Wrong with ANZAC? The Militarization of Australian History. Sydney, 2010.

¹⁷ См., напр.: Сенявская Е. С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 1999; Сергеев Е. Ю. «Иная земля, иное небо...» Запад и военная элита России, 1900–1914. М., 2001; Нагорная О. С. Другой военный опыт: российские военнопленные Первой мировой войны в Германии (1914–1922). М., 2010; Голубев А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012.

позволяет взглянуть на события уже далекой от нас эпохи с точки зрения проблем сегодняшнего дня. Речь идет о таких вопросах, как социализация инвалидов войны, помощь государства вдовам и сиротам, изменение этнической композиции и природного ландшафта во время военных действий и после их завершения, наконец, сохранение исторической памяти, создание и поддержание в достойном виде воинских захоронений и мемориалов.

Резюмируя все сказанное, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на бесспорные достижения историографии, перед специалистами все еще стоит задача реконструкции объективной, целостной, полифонической картины

Великой войны — этого эпохального события новейшего времени, которое, к сожалению, по-прежнему остается на периферии сознания многих граждан России.

Вместе с тем серия мероприятий, приуроченных к 100-летию трагических событий 1914–1918 гг., которые будут проведены во многих европейских странах и, конечно, в России (где решением правительства создан специальный Оргкомитет под председательством С. Е. Нарышкина), позволит не только специалистам, но и широкой общественности прийти к новому, более глубокому и объективному пониманию значения Первой мировой войны в новейшей истории Человечества.

Evgeny Yu. Sergeev

Doctor of Historical Sciences, Institute of World History of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: *eugene.sergeev59@gmail.com*

CURRENT ISSUES OF THE HISTORY OF WORLD WAR I STUDIES

The article deals with the new trends in the study of most important issues of the history of World War I which served as a preface for all further contemporary history developments. In modern Russian and international historiography the tragic events of 1914–1918 are traditionally interpreted as the first global armed confrontation of dozens of nations in practically all continents and in three physical environments — on land, at sea and in the air. The Great (as it was referred to by contemporaries) War was industrial, coalitional and total in nature. The use of interdisciplinary approaches involving comparative studies, social anthropology and imagology resulted in a review of a rather misleading and outdated interpretation of World War I as “imperialist slaughterhouse” which was started and fought exclusively in the interests of “capitalists and landlords”. For the peoples of Russia it was the Second Patriotic, and for the so-called ethnic peripheries of the former Russian Empire it was also a war of liberation opening a lengthy period of social and political instability, which by analogy with the events of the 17th century was labeled a “new Thirty Year War”.

Key words: *World War I, total war, coalition war, industrial war, komparativnyy methodology, interdisciplinary approach, sociocultural method*

REFERENCES

- Angelow J. *Kalkuel und Prestige. Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges* [Calculus and prestige. The Dual Alliance on the eve of World War I]. Cologne: Boehlau, 2000, 530 p. (in German).
- Bazanov S. N. *Zabytaya voyna* (The forgotten war). Moscow: Sodruzhestvo “Posev” Publ., 2011, pp. 333–461. (in Russ.).
- Empires of the Sand: The Struggle for Mastery in the Middle East. 1789–1923. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 409 p. (in English).
- Gilbert M. *The First World War. A Complete History*. New York: Henry Holt, 1996, 616 p. (in English).
- Golubev A. V., Porshneva O. S. *Obraz soyuznika v soznanii rossiyskogo obshchestva v kontekste mirovykh voyn* [Ally image in the minds of Russian society in the context of world wars]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, 392 p. (in Russ.).
- Hamilton R., Herwig H. *War Planning 1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, 269 p. (in English).
- Hobsbawm E. *Epokha kraynostey. Korotkiy XX vek (1914–1991)* [The age of extremes: the short twentieth century, 1914–1991]. Moscow: Nauka Publ., 2004, 632 p. (in Russ.).
- Joll J., Martel G. *The Origins of the First World War*. London: Longman, 1992, 264 p. (in English).

- Keegan J. *The First World War*. London: Hutchinson, 2000, 500 p. (in English).
- Kolonitskiy B. «*Tragicheskaya erotika*»: *obrazy imperatorskoy semi v gody Pervoy mirovoy voyny* [“Tragic erotica”: images of the imperial family during the First World War]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2010, 664 p. (in Russ.).
- Lake M., Reynolds H. *What’s Wrong with ANZAC? The Militarization of Australian History*. Sydney: Sydney University Press, 2010, 183 p. (in English).
- Lyutov I. S., Noskov A. M. *Koalitsionnoe vzaimodeystvie soyuznikov. Po opytu Pervoy i Vtoroy mirovykh voyn* [Interaction coalition allies. In the experience of the First and Second World Wars]. Moscow: Nauka Publ., 1988, 286 p. (in Russ.).
- Marrero F. *Canarias en la Gran Guerra, 1914–1918, estrategia y diplomacia. Un estudio sobre la politica exterior de Espana* [Canary in the Great War, 1914–1918, strategy and diplomacy. A studio on the foreign policy of Spain]. Las Palmas de Gran Canaria: Univesidade de Las Palmas, 2006, 435 p. (in Spanish).
- McMeekin S. *The Russian Origins of the First World War*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 2011, 324 p. (in English).
- Mirovye voyny XX veka* [World wars of the twentieth century]. Moscow: Nauka Publ., 2002, Vol. 1, 686 c. (in Russ.).
- Mommsen W. *Der Grosse Krieg und die Historiker: neue Wege der Geschichtsschreibung über den Ersten Weltkrieg* [The Great War and the historians: new ways of historiography of the First World War]. Essen: Klartext, 2002, 40 p. (in Germany).
- Mulligan W. *The Origins of the First World War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010, 256 p. (in English).
- Nagornaya O. S. *Drugoy voennyi opyt: rossiyskie voennoplennye Pervoy mirovoy voyny v Germanii (1914–1922)* [Another military experience: Russian prisoners of war World War in Germany (1914–1922)]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2010, 440 p. (in Russ.).
- Narody Gabsburgskoy monarkhii v 1914–1920 gg.: ot natsionalnykh dvizheniy k sozdaniyu natsionalnykh gosudarstv* [The peoples of the Habsburg monarchy in 1914–1920 gg.: from national movements to create national states]. Moscow: Kvadriga Publ., 2012, Vol. 1, 456 p. (in Russ.).
- Pavlov A. Yu. *Skovannyye odnoy tsepyu. Strategicheskoe vzaimodeystvie Rossii i ee soyuznikov v gody Pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.)* [Chained together. Strategic cooperation between Russia and its allies in World War I (1914–1917 gg.)]. St. Petersburg: SPbGU Publ., 2008, 189 p. (in Russ.).
- Romanova Ye. V. *Put k voyne. Razvitie anglo-germanskogo konflikta 1898–1914* [Path to War. Development of Anglo-German conflict 1898–1914]. Moscow: MGU Publ., 2008, 328 p. (in Russ.).
- Russia in the Age of Wars, 1914–1945*. Milano: Fondazione G. Feltrinelli, 2000, 322 p. (in English).
- Senyavskaya Ye. S. *Psikhologiya voyny v XX v.: istoricheskiy opyt Rossii* [Psychology of war in the XX century: Russia’s historical experience]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999, 383 p. (in Russ.).
- Sergeev Ye. Yu. «*Inaya zemlya, inoe nebo...*» *Zapad i voennaya elita Rossii, 1900–1914* [“Other land, otherwise the sky...” West and military elite of Russia, 1900–1914]. Moscow: IVI RAN Publ., 2001, 282 p. (in Russ.).
- Seton-Watson R. W. *Britain and the Dictators*. Cambridge: Cambridge University Press, 1938, 287 p. (in English).
- Shatsillo V. K. *Poslednyaya voyna tsarskoy Rossii* [The last war tsarist Russia]. Moscow: Eksmo-Yauza Publ., 2010, 352 p. (in Russ.).
- Strahan H. *The First World War in Africa*. Oxford: Oxford University Press, 2004, 224 p. (in English).
- Strahan H. *The First World War*. Oxford: Oxford University Press, 2001, Vol. 1, 1180 p. (in English).
- Voennaya mysl v izgnanii. Tvorcheskaya mysl russkoy voennoy emigratsii* [Military thought in exile. Creative thought Russian military emigration]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 1999, 640 p. (in Russ.).
- Voyna i obshchestvo v XX veke* [Military thought in exile. Creative thought Russian military emigration]. Moscow: Nauka Publ., 2008, Book 1, 456 p. (in Russ.).
- Wallach J. *Uneasy Coalition. The Entente Experience in World War I*. Westport: Greenwood Press, 1993, 192 p. (in English).